

* * *

В этом параграфе читатель возвращается к рубежу 1820–30х гг., когда польский вопрос в русском общественном сознании обострился в высшей степени. Соответственно, его рефлексия в словесности, прежде всего в поэзии, также пережила резкий подъем. Ранние отклики на польское восстание были, как показывает исследование, частью прерывистого диалога, который вели в николаевскую эпоху власть и просвещенное сообщество, диалога, в котором одна из сторон могла игнорировать или вовсе запрещать высказывания второй. Поэты, выступая от лица просвещенного сообщества, не оставляли попыток включиться в дело государственного управления. Вне зависимости от ориентации литератора (как проправительственной, так и оппозиционной), попытки внести коррективы на идеологической карте империи цензурой регулярно пресекались.

2.1.2. Место Польши в составе империи: поэтические версии 1830–1831 гг.*

Роман Лейбов, Александр Осповат

**Стихотворение В. Туманского
на польское восстание 1830–1831 гг.**

Утром 26 ноября 1830 г., приехав в Михайловский манеж на развод от третьего батальона Преображенского полка, Николай I объявил о восстании в Варшаве и предстоящем походе в Польшу:

Я уже сделал распоряжение, чтобы указанные мною войска двинулись к Варшаве, а если будет нужно, то пойдете и вы, моя гвар-

* Работа выполнена при поддержке гранта ЭНФ № 7901 ««Идеологическая география» западных окраин Российской империи в литературе». Параграф написан на основании статей авторов: К польской теме у Хомякова // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*, XII: Мифология культурного пространства: К 80-летию Сергея Геннадиевича Исакова. Тарту, 2011. С. 44–52; Первый отклик русской поэзии на польское восстание 1830–1831 гг. // *Natales grate numeras?* Сб. ст. к 60-летию Г. А. Левинтона. СПб., 2008. С. 331–337.

дия, пойдете наказать изменников и восстановить порядок и оскорбленную честь России.

По рассказам очевидцев,

[е]динодушный взрыв негодования охватил мгновенно всех присутствующих, раздался восторженный крик: «веди нас против мятежников; мы отмстим за оскорбленную честь России». Целовали у государя руки, ноги, полы, при криках «ура» [Шильдер: 322–324].

В этот момент император резко переменял тон. Он

...напомнил офицерам, его окружавшим, что не все поляки нарушили клятву верности, что должно карать зачинщиков мятежа, но не мстить народу, прощать раскаявшихся и не допускать ненависти [Там же: 324].

Согласно другим источникам, риторическим украшением речи в Михайловском манеже явилась апелляция к единству двух славянских наций. В депеше, которую барон П. де Бургуэн, поверенный Франции в Петербурге, отправил своему министру О. Себастиани 27 ноября / 9 декабря, заключительная реплика, обращенная к преображенцам, читалась так:

И все же сохраняйте спокойствие, в особенности не питайте ненависти к полякам. Не забывайте, что они наши братья, братья по крови [Rappelez-vous qu'ils sont nos frères (*Krownie bratia* — frères du même sang)]. В том, что случилось, я виню не Польшу; главные виновники — впавшие в заблуждение молодые люди, а большинство населения никак к этому не причастно [Schiemann: 453]¹.

Сходным образом передавались слова Николая I в газете Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча:

Прошу вас, господа, Поляков не ненавидеть: они наши братья. В мятеже виноваты немногие злонамеренные люди. Надеюсь, что с Божиею помощью все кончится к лучшему [СП: 2 дек., № 144].

¹ Коснувшись этого эпизода в своих позднейших мемуарах, де Бургуэн упомянул лишь о «примирительном духе» нескольких «русских фраз», «точный перевод» которых ему немедленно сообщили «ближайшие друзья» [Bourgoing: 537].

Именно этой политической установки Николай I держался в течение ближайших полутора месяцев — вплоть до получения известия о том, что 13/25 января 1831 г. польский сейм принял решение детроизировать династию Романовых². Ср., например, пассаж из высочайшего Манифеста от 12 декабря 1830 г.:

Мы готовы карать вероломство; но хотим отличить невинных от преступников, хотим миловать и слабых, по слепоте или боязни, следующих противозаконному влечению. <...> Россияне! пример Царя Вашего будет вашим руководством: правосудие без мщения, неколебимость в борьбе за честь и пользы Государства без ненависти к ослепленным противникам, любовь и уважение к тем из подданных наших Царства Польского, кои верны данной Нам клятве; готовность к примирению со всеми, кои возвратятся к долгу [СП: приб. к № 149]³, —

и признание, прозвучавшее во время аудиенции, данной 14 декабря прибывшему из Варшавы переговорщику:

...потребуйте от диктатора [генерала Юзефа Хлопицкого], чтобы он покарал виновных, то есть тех, которые убили своих начальников и нарушили все требования дисциплины; вы мне окажете величайшую, какую только можно, услугу, потому что, повторяю вам, роль палача отталкивает меня, и я хочу пользоваться лишь своим правом миловать [Шильдер: 328]⁴.

Публикой, однако, владело совершенно иное настроение. По формулировке из отчета надзорной инстанции за 1830 г.,

² В тот же день, 13/25 января, в Варшаве прошла манифестация, посвященная памяти казненных декабристов, во время которой впервые было поднято белое знамя с красным крестом и надписью на двух языках: *Wimie Boga za nasza i wasza wolność; Bo imia Boga za naszą i waszą wolność*.

³ Этот Манифест был составлен Д. Н. Блудовым (товарищем министра народного просвещения, временно управлявшим Министерством юстиции), который сообщил его текст — с указанием собственноручной правки императора — при письме жене в Берлин от 12/24 декабря [РА: 1872. № 7–8. Стб. 1296–1300].

⁴ Ср. еще: [Военский: 665].

...большинство становилось на сторону русских патриотов, которые жаждут не только пролития крови, но и истребления части польской нации и полнейшего порабощения последней [РПН: 70]⁵.

Эту агрессивную эмоцию транслировал и стихотворный текст, обративший на себя наше внимание.

Спустя много лет, комментируя двустороннюю переписку своих родителей за 1830–1831 гг. (см. примеч. 4), графиня А. Д. Блудова высказалась в том смысле, что порывы «сострадательного сердца» императора распространялись на весь ход «междоусобной войны, где обе стороны имели право (хотя, конечно, неодинаковое) на его попечение». Далее следовало отступление:

Не так мягко, однако, относились Русские вообще к Полякам в это время. Тому свидетельство стихи Пушкина «Клеветникам России», которые повторялись всеми с увлечением, и стихи гораздо большего негодования (*кажется*, Туманского), которые помню только отчасти и которые, *кажется*, не напечатаны. Они кончаются обращением к Государю:

Скажи — и Польши уж не будет
И имя Польши свет забудет;
И на развалинах ея,
Красою юною блистая,
Восстанет Русь передовая,
Дщерь неизменная твоя.

Стихи сильные и хороши, а чувство для нас, Великороссов, преувеличенное и беспощадное, весьма естественно для Малороссиянина [РА: 1874. Кн. I. Стб. 738. Курсив оригинала].

Ввиду того что этот текст дошел нас в опосредованном виде и неполном объеме (розыски автографа, авторитетной публикации или хотя бы надежной копии не принесли результата),

⁵ Оригинал по-французски. Отметим прямую перекличку этого места и прогноза Пушкина, данного в письме Е. М. Хитрово от 9 декабря 1830 г.: «...начинающаяся война будет войной до истребления — или по крайней мере должна быть таковой» (перевод [Пушкин: XIV, 422]; оригинал по-французски [Пушкин: XIV, 134]).

издатели литературного наследия известного элегика В. И. Туманского помещают его в раздел *Dubia* с предположительной датировкой «1831 год», вытекающей из контекста записи Блудовой (см. [Туманский: 23; Шемшученко: 106–108]). Сейчас у нас есть возможность до некоторой степени прояснить этот вопрос.

В конце февраля 1831 г. А. И. Тургенев, пребывавший тогда в Лондоне, разжился у посольских литературными новинками — «Борисом Годуновым» («Таланту много и что-то шекспировское; но не конченное» [РО ИРЛИ: Ф. 309. № 350. Л. 23 об.]), второй частью «Стихотворений Александра Пушкина»⁶ и некоторыми альманахами. Тогда же в его руки попали «стихи Туманского», которые он переписал в дневнике со своими нотисами:

<На правом поле>

Реки: нет Польши и не будет, Marseillaise de la légitimité, назвал бы
И имя Польши мир забудет! *Figaro* стихи Тум<анского>

И это пишет одесский либерал — один из сынов «передовой» Руси, но разве той, которая должна возникнуть на развалинах Польши:

И на развалинах ея
Красою юною блистая,
Возникнет Русь передовая,
Дщерь неизменная твоя!
26 нояб<ря> 1830 г.

Заметим, что так еще чувствовала *Русь передовая* в конце 1830 года, после происшествий Парижа и Бельгии, и что этот Туманский был одним из подозреваемых в либерализме 1825 года. <...> Поэт проврался в стихе: «Злодеям казнь и мщенью — мщенью». Стало, поляки мстили за что-нибудь! — вероятно, не за *благоденствия*⁷.

⁶ Сделанные Тургеневым выписки из пушкинских сочинений приведены в [Гиллельсон: 27–29].

⁷ [РО ИРЛИ: Ф. 309. № 325. Л. 38 об.] (запись от 26 февраля 1831 г.). См. в письме Тургенева брату Николаю (в Бат) от 1 марта 1831 г.: «Одесский либерал Туманский написал сильные стихи на присягу русских в Петербурге, но в духе Дибичевых манифестов. Я надеюсь, что Пушкин и Вяземский молчат» [Там же. № 350. Л. 24]. Под *присягой* здесь разумеется та «клятва верности», которой

Весьма существенным обстоятельством является то, что в дневнике Тургенева сохранилась дата стихотворения Туманского; перед нами, таким образом, самый ранний поэтический отклик на польское восстание, появившийся через несколько часов после сцены в Михайловском манеже. В целом совпадая с «блудовским» текстом (добавляя к нему только один стих), «тургеневский» представляется более аутентичным хотя бы потому, что он восходит к современной копии, а не записан по памяти через сорок с лишним лет. В пользу «тургеневского» текста косвенно свидетельствует и наиболее любопытное различие.

Тургенев:

Реки: нет Польши и не будет,
И имя Польши *мир* забудет!
И на развалинах ея
Красою юною блистая,
Возникнет Русь передовая,
Дщерь неизменная твоя!
Злодеям казнь, и мщенью — мщенье<!>

Блудова:

Скажи — и Польши *уж* не будет
И имя Польши *свет* забудет;
И на развалинах ея
Красою юною блистая,
Восстанет Русь передовая,
Дщерь неизменная твоя.

Мы имеем в виду начальную лексему того стиха, которым открываются обе записи. Славянизм *реки* (воззвание к монарху) не только связывает ямбы Туманского с одической традицией, но и дает возможность сразу установить их литературную генеалогию. Ср. в «Стихах на присоединение польских провинций Курляндии и Семигалии к Российской империи»,

офицеры отреагировали на первую часть речи императора; И. И. Дибич — главнокомандующий русской армией в польском походе.

сочиненных Иваном Дмитриевым по случаю третьего раздела Польши (1795):

Рекла — и царства вдруг не стало!
 И сильных вождь оцепенел!
 «Где Польша? — вздрогнув, размышляет, —
 Где ж будет, — в ужасе вещает, —
 Российским подвигам предел?»
 Нигде!.. Царица несравненна!
 По сердцу ты народ нашла;
 С тобой нам целая вселенна
 Для храбрых подвигов мала... [Дмитриев: 313]⁸

К приметам новой эпохи в сохранившемся фрагменте Туманского можно отнести разве риторическую фигуру *Руси передовой*, которая служит для обозначения авангардного отряда⁹, занимающего польские земли и выдвигающегося к границе между Россией и Западом. Актуальность этого мотива в ситуации, когда Николай I всерьез задумывался о карательной экспедиции и во Францию, признавшую королем Луи-Филиппа, и в Бельгию, провозгласившую независимость от Голландии, как раз и подчеркнута в тургеневской записи.

Пуская по рукам столичных друзей¹⁰ свою «марсельезу легитимизма», Туманский, по всей вероятности, не рассчитывал предать ее тиснению. Автор стихотворения в буквальном смысле оказался большим роялистом, чем Николай I, и к тому же цензура до времени вообще не разрешала ни воспевать будущую русскую победу, ни проклинать польских мятежников, бдительно отслеживая намеки и парафрастические обороты.

⁸ См. еще в его «Стихах Графу Суворову-Рымникскому, на случай покорения Варшавы» (1794): «“Карай!” — рекла императрица — / И се... се польская столица / Тобой, Алкид, сокрушена...» [Дмитриев: 297].

⁹ В переносном значении (‘прогрессивный’) слово *передовой* стало распространяться не ранее середины XIX в. [Виноградов: 962].

¹⁰ Туманский приехал из Одессы в Петербург осенью 1830 г. [Данилов: 418–420].

9 декабря 1830 г. Санкт-Петербургский цензурный комитет запретил стихотворение Туманского «Стансы», представленное для публикации в альманах «Северные цветы на 1831 год»:

За тучей тучу ветер гонит,
Дух сил за ратью рать повлек;
Земля, в изнеможенье, стонет,
Как пред кончиной человек.
Теперь не суетную лиру
Повесь на рамена, певец!
Бери булат, бери секиру,
Будь гражданин и будь боец!

Текст «Стансов», сохранившийся в цензурном деле (см.: [РО ИРЛИ: Ф. 244. Оп. 16. № 55. Л. 2]), имеет одно, но весьма показательное отличие от текста первой прижизненной публикации¹¹, в котором стих, открывающий нашу цитату, читается: «За тучей тучу Запад гонит...» Иными словами, в начале декабря 1830 г., предвидя возможные осложнения, Туманский (сам или по совету Дельвига) заменяет сигнальное слово *Запад* на нейтральное *ветер* — но и эта уловка не спасает дело.

Первый же печатный рифменный отклик на польское восстание принадлежит кн. П. И. Шаликову. Его «Стихи на новый 1831 год» строго следовали инструкции, полученной преображенцами в Михайловском манеже:

Но, Россияне! Царский глас
Раздался в сердце вашем снова!
Он всемогущ, он свят для вас,
И ваша грудь уже готова,
Под знаменами правоты,
Великодушия и чести,
Рассеять гибельны мечты
Победным мужеством без мести [МВ: 2].

¹¹ См. Современник. 1837. Т. VIII. С. 271–272; а также [Туманский: 192; Поэты 1820–1830: 297]. О цензурной истории «Стансов» в примеч. В. Э. Вацура см. [Поэты 1820–1830: 733].

**Стихотворение Хомякова
о «переменах в Царстве Польском» 1830 г.**

1. Текст, о котором пойдет речь, имеет весьма любопытную эдиционную историю. Она началась 30 декабря 1830 г., когда в Санкт-Петербургский цензурный комитет была представлена рукопись, намеченная для публикации в газете «Литературные Прибавления к *Русскому Инвалиду*»:

«*Прошу вас поляков не ненавидеть*»
(Незабвенные слова возлюбленного нашего Монарха).

Внимайте! Голос истребленья!
За громом гром, за криком крик!
То звуки дальнего сраженья;
К ним слух воинственный привык.
Вот ружей звонкие раскаты;
Вот пешей рати мерный шаг;
Вот натиск конницы крылатой;
Вот пушек рев на высотах;
И крик торжеств, мне крик знакомый,
И смерти стон, мне плач родной.
О замолчите, битвы громы!
Остановись, кровавый бой.

Потомства пламенным проклятьям

Да будет предан тот, чей глас
Против славян славянским братьям
Мечи вручил в преступный час.
Да будут прокляты сраженья,
Одноплеменников раздор
И перешедший в поколенья
Вражды бессмысленной позор.
Да будут прокляты преданья,
Веков исчезнувших обман,
И повесть мщенья и страданья,
Вина неисцелимых ран.

И взор поэта вдохновенный

Уж видит новый век чудес.
Он видит!.. Гордо над вселенной
До свода синего небес
Орлы славянские взлетают

Широким дерзостным крылом,
Но мощную главу склоняют
Пред старшим Северным Орлом.
Их тверд союз, горят перуны,
Закон их властен над землей
И будущих боянов струны
Поют согласие и покой.

На этой рукописи сохранились карандашные пометы: одна служила подписью — «А. Хомяков», вторая указывала на источник взятой в эпиграф фразы императора — «№ 144 Сев<ерной> Пч<елы>» [Егоркин, Шляпкин: 128–130].

Эпиграф стихотворения Хомякова отсылает к описанной выше сцене, произошедшей 26 ноября 1830 г. в Михайловском манеже. В передаче «Северной пчелы» — единственного отечественного издания, сообщившего информацию об этом эпизоде, — заключительная реплика императора, как уже отмечалось, приобрела такой вид:

Прошу вас, господа, Поляков не ненавидеть: они наши братья. В мятеже виновны немногие злонамеренные люди. Надеюсь, что с Божиею помощью все кончится к лучшему.

Понятно, что в преддверии военных действий против польских инсургентов Цензурный комитет не взял на себя ответственности решать вопрос о публикации сочинения, пафос которого отнюдь не отвечал господствовавшему в публике настроению «неумолимых русских патриотов», мечтавших, как засвидетельствовано в отчете III Отделения за 1830 г., о повторении «суворовской резни» в Варшаве [РПН: 70]. Дело пошло на самый верх, и личное распоряжение Николая I «*Не дозволять*» [Хомяков 1969: 552; коммент. Б. Ф. Егорова] отразилось в резолюции, вынесенной 23 января 1831 г.: «Стихотворение не разрешено, как относящееся к переменам в Царстве Польском» [Егоркин, Шляпкин: 129].

До сих пор считалось, что оригинальный текст этого стихотворения увидел свет только в 1861 г. (по смерти автора): сначала в Москве под заглавием «Ода» [Хомяков 1861: 30–31], затем в Лондоне под заглавием «1831» [РПН: 211–212] (в обо-

их случаях без эпиграфа). Однако на самом деле впервые — за подписью автора — оно напечатано в газете «Русский Инвалид, или Военные ведомости»¹² 17 сентября 1831 г. [РИ: № 236. С. 914]¹³. Помещенное в ряду оперативных откликов русской лиры на подавление восстания, стихотворение Хомякова лишилось эпиграфа и получило заглавие «На войну с Польшею». Именно по тексту газетной публикации был сделан немецкий перевод для тут же вышедшей брошюры “Der Polen Aufstand und Warschau’s Fall 1831. In drei Gedichten von A. Puschkin, W. Shukowski und A. Chomjakow” (St. Petersburg, in der Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. 1831; цензурное разрешение 22 сентября)¹⁴. Здесь нелишне привести перевод стихотворения Хомякова (выполненный, как и оба других, по-видимому, А. Е. Вульффертом¹⁵) вместе с обратным переводом на русский:

Der Polenkrieg

Vernehmet der Zerstörung Stimme!
 Kanonendonner, Feldgeschrei!
 Es eilt der Krieg, im wilden Grimme,
 Auf blutgetränkter Spur herbei.
 Hört Ihr der Flinten grell Geschmetter,
 Des Fussvolks Marsch, gemessnen Schritts,
 Seht Ihr die Reuter nah’n im Wetter,
 Und hoch das dröhnende Geschütz?
 Aus Todesgrau’n erhebt des Sieges
 Triumph ein kampfgewohnt Geschlecht!

¹² «Русский инвалид», как и «Литературные Прибавления к Русскому Инвалиду», издавался А. Ф. Воейковым.

¹³ Точная библиографическая справка дана в воспоминаниях А. Д. Блудовой [РА 1875: I: 137], на что обратил в свое время внимание В. Ледницкий [Lednicki: 159, note 1].

¹⁴ В эту брошюру вошли также переводы пушкинской инвективы «Клеветникам России» и «Русской песни на взятие Варшавы» Жуковского.

¹⁵ См. [Пушкин. Письма: 430; коммент. Л. Б. Модзалевского].

Verstumme, Donnerruf des Krieges,
Halt ein, Du mörderisch Gefecht.
Des Fluches Flämme regne nieder
Auf des Verräthers finstres Grab,
Der Slaven gegen Slavenbrüder
Das erste Schwert der Zwietracht gab.
Verflucht sey dieses bittere Höhnen
Verwandter Stämme, diese Schmach,
Die sich vererbt der Nachwelt Söhnen
Bis auf des Weltgerichtes Tag.
Verflucht der Vorzeit dunkle Sage,
Die Enkeln Feindschaft Überträgt,
Und mit des Rachschwerts Völkerplage
Die niegeheilten Wunden schlägt. —
Allein des Sehers Auge weidet
Sich an den Wundern bessrer Zeit,
Wo Licht aus Finsterniss sich scheidet
Und schlichtet den verjährten Streit.
Der Slaven mächt'ge Adler steigen
Mit kühn gedehntem Flügelpaar
Empor, und ihre Häupter neigen
Sich vor des Nordens ältrem Aar.
Fest sey ihr Bund, ihr Stolz: der Friede,
Und das Gesetz: ihr Heiligthum;
Dann preist in schönern Bardenliede
Die Nachwelt edler Eintracht Ruhm.

A. Ch.

Польская война

Услышьте глас уничтоженья!
Гром пушек, полевой крик!
Спешит сюда война в яром гневе,
По кровавому следу.
Вы слышите резкий треск кремней,
Марш пехоты, размеренный шаг,
Вы видите, как конники близятся в бурю,
Грозя воздетым оружием?

Из смертных областей победа
 Поднимает род, привычный к войне.
 Умолкни, громовой зов войны,
 Остановись, убийственная схватка.

Пусть пламя проклятия прольется
 На сумрачную могилу изменника,
 Который первым дал в руки славянам
 Меч раздора против братьев славян.

Да будет проклята эта горькая издевка
 Родственных племен, этот позор,
 Что наследуется потомством
 До Страшного суда.

Да будут прокляты темные предания старины,
 Передающие внукам вражду,
 И мечом мести, бичом народов,
 Поражающие незаживающие раны. —

Но глаз зрителя услаждается
 Чудесами лучших времен,
 Когда свет отделяется от тьмы
 И умиряет давнюю распрю.

Могучие славянские орлы воспаряют ввысь
 Отважно простирая крылья,
 И их головы склоняются
 Перед старейшим орлом севера.

Пусть крепок будет ваш союз; ваша гордость — мир,
 А закон — ваша святыня;
 Тогда воспевает в прекраснейшей песне бардов
 Потомство славу благородного согласия.

2. Кому бы ни принадлежало заглавие «Ода» (введенное в издании 1861 г. и утвердившееся в современной эдиционной практике), оно имеет под собой основание: топика, стилистика и интонационный рисунок этого стихотворения внятно отзываются витийственной поэзией. Вместе с тем очевидно, что интересующий нас текст активно участвует в том процессе «разложения» высокой лирики XVIII в., который Тынянов относил ко второй половине 1820-х – началу 1830-х гг. Одновременно с Тютчевым, деформирующим («фрагментизирую-

щим») философскую оду, Хомяков ревизует логико-риторическую схему старой батальной оды.

Описывая в первой строфе «дальнее сражение», которое читатель опознает как метонимию русско-польской войны, автор демонстративно выводит из текста не только оценочные дефиниции (в роде «кичливого ляха» и «верного росса» в «Клеветниках России») или маркированные местоимения («мы»/«наши» vs «вы»/«ваши»), но даже нейтральные этнонимы. Этот прием «минус-номинации» усилен заключительным восклицанием (*Остановись, кровавый бой*), не подразумевающим симпатию ни к одной из противоборствующих сторон.

Вторая строфа расширяет поле обзора за счет подключения темы давней внутриславянской распри — но в совершенно особом модусе. Субъект речи подвергает обструкции как собственно историю русско-польского конфликта, так и бесконечную *повесть миценья и страданья*, т. е. всю мифологию взаимной ненависти, разработанную совместными усилиями *одноплеменников*. Травматизирующей памяти противопоставлено здесь целительное забвение.

Этот сознательный отказ от историзма (и в одическом, и в романтическом его изводах) подготавливает переход к утопической аллегории, рисующей будущий союз *орлов славянских*. Дело прежде всего идет о России и Польше, гербами которых являлись соответственно двуглавый и белый орлы. Такое сходство геральдики русская военная лирика 1830–1831 гг. предпочитала либо вовсе игнорировать («... И на развалинах Варшавы / Воссел уже Орел двуглавый» — Авраам Норов), либо, напротив, обыгрывать с солдатской прямоотой («... И белого Орла в гнезде его карая / Орла двуглавого на чад его спускал» — Федор Глинка); еще одна трансформация данного мотива — «двуглавый орел» терзает «хищного врана» (Иван Паршов). Хомяков же, прорицая воссоединение орлиной семьи под эгидой *старшего Северного* брата, скорее всего вторит популярным уже в то время декларациям раннего панславизма. Напомним хотя бы о двадцатом сонете из поэмы словацкого пастора Яна Коллара «Дочь Славы» (“Slávy dcera”, 1824), содержание которого — с опорой на французский пере-

вод в “Revue Britannique” (1828. Т. 17) — следующим образом резюмировано в статье, появившейся в июне 1831 г. в московском журнале:

Исполинская дочь Славян, могущественная Россия, <...> когда соединишь ты в одну рукоять эти разметанные ветви одного корня, когда сольешь в один поток эти расплесканные волны одной крови? [Телескоп: 400–401; подробнее см.: Зайцева: 113–115].

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов: *Виноградов В. В.* История слов. М., 1999.
- Военский: *Военский К. А.* Император Николай I и Польша в 1830 году (Воспоминания подполковника Фаддея Вылежинского) // Исторический вестник. 1903. № 5.
- Гиллельсон: *Гиллельсон М. И.* От арзамасского братства к пушкинскому кругу писателей. Л., 1977.
- Данилов: *Данилов В.* Историко-литературные заметки. I. Неизданное стихотворение и письмо В. И. Туманского // Русский филологический вестник. 1912. Т. LXVIII, № 4.
- Дмитриев: *Дмитриев И. И.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1967.
- Зайцева: *Зайцева А. А.* Ян Коллар и русско-чешские литературные связи первой половины XIX века // Литература славянских народов. М., 1967. Вып. 8.
- Егоркин, Шляпкин: *Егоркин А. И., Шляпкин И. А.* Литературные дела Цензурного комитета // Пушкин и его современники: Материалы и сообщения. Пг., 1918. Вып. XXIX–XXX.
- МВ: Московские ведомости. 1831. 3 янв. № 1.
- Поэты 1820–1830: Поэты 1820–1830-х гг.: В 2 т. Л., 1972. Т. 1.
- Пушкин: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1940.
- Пушкин. Письма: *Пушкин.* Письма. Л., 1935. Т. III.
- РА: Русский архив.
- РИ: Русский инвалид.
- РО ИРЛИ: Рукописный отдел Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом).
- РПЛ: Русская потаенная литература XIX столетия. Отдел первый. Стихотворения. Ч. 1 / С предисловием Н. Огарева. Лондон, 1861.
- РПН: Россия под надзором: Отчеты III Отделения, 1827–1869. М., 2006.
- СП: Северная Пчела. 1830.

Телескоп: Телескоп. 1831. № 11.

Туманский: *Туманский В. Л.* Стихотворения и письма / Ред., биографич. очерк и примеч. С. Н. Браиловского. СПб., 1912.

Хомяков 1861: Стихотворения А. С. Хомякова. М., 1861.

Хомяков 1969: *Хомяков А. С.* Стихотворения и драмы. Л., 1969.

Шемшученко: *Шемшученко Ю.* Наш друг — Туманский / К 200-летию со дня рождения. Киев, 2000.

Шильдер: *Шильдер Н. К.* Император Николай I: Его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. II.

Bourgoing: Souvenirs d'histoire contemporaine: Épisodes militaires et politiques / Le baron Paul de Bourgoing. Paris, 1864.

Lednicki: *Lednicki W.* Puchkine et Pologne: A propos de la trilogie antipolonaise de Pouchkine. Paris, 1928.

Schiemann: *Schiemann Th.* Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I. Berlin, 1913. Bd. III.